

венной деталью как средством, помогавшим сделать изложение более правдоподобным и убедительным для читателей.

Сосуществование и борьба различных повествовательных систем внутри летописания еще более затрудняет решение весьма сложного вопроса о значении летописания для развития древнерусского повествовательного искусства, об относительной роли историографических (хроникальных) и художественных элементов в летописи. Несомненно, что между этими двумя сторонами творчества летописца иногда возникала коллизия: наиболее достоверный рассказ не всегда отличался литературными достоинствами, а наиболее яркий — часто не был достоверен. Мы уже отмечали фольклорный и легендарный характер древнейших сказаний летописи — например, рассказов о смерти вещего Олега или о мести Ольги. «Плохая физика, но зато какая смелая поэзия!» — заметил Пушкин о переведенных им стихах из Корана. «Плохая „газетная хроника“, но зато какая прекрасная литература!» — можем мы сказать об этих эпических повествованиях.

Противоречие между ^{доисте}литературностью и художественностью можно наблюдать и в упомянутых выше рассказах о Куликовской битве. Наиболее близким по времени к битве и наиболее достоверным был, очевидно, рассказ Свода 1408 г. (Троицкой летописи). Оценивая Мамаево побоище как «победу великую», одержанную Дмитрием Донским, этот рассказ давал все основные сведения о сражении, казавшиеся важными для современников (перечисление важнейших воевод, павших в бою, боевых трофеев и т. д.). Летописная повесть «Новгородско-Софийского свода», легшая, как мы знаем, в основу большинства последующих летописных рассказов, добавила к первоначальному рассказу весьма мало новых фактических сведений. Распространение текста произошло здесь за счет введения чисто этикетных формул и сюжетных положений («смирение» Дмитрия и «ярость» Мамая и Олега, божественная помощь и т. д.). Еще дальше от событий 1380 г. отстоял популярнейший внелетописный памятник «Сказание о Мамаевом побоище», включенный в летописные своды (третья редакция Вологодско-Пермской летописи, Никоновская летопись) лишь в XVI в. Об относительно позднем происхождении этого рассказа свидетельствует ряд присущих ему несообразностей: уже в первоначальной редакции «Сказания» в роли союзника Мамая выступает уже умерший в 1380 г. Ольгерд (а не его сын Ягайло, как было в действительности); советником Дмитрия оказывается митрополит Киприан, которого не было в то время на Руси, и т. д.⁵⁸ В научной литературе отмечалась и явная тенденциозность этого памятника, связанного, очевидно, с Серпуховским княжеством.⁵⁹

политической истории Русского государства 30-х—50-х гг. XVI в., стр. 483—485; Н. Е. Андреев. Об авторе приписок в лицевых сводах Ивана Грозного. — ТОДРЛ, т. XVIII, М.—Л., 1962, стр. 125—126 и 138), не опровергают того факта, что подробное и детальное описание «смуты» 1553 г. и изменнических действий Курятева, Фуникова, Палецкого и других лиц в «Царственной книге» не могло быть записью очевидца, а представляло собой рассказ, составленный уже после опалы, постигшей этих лиц.

⁵⁸ Л. А. Дмитриев. К литературной истории «Сказания о Мамаевом побоище», стр. 415—423. Нам представляется справедливым вывод М. А. Салминой, основанный на текстологических наблюдениях над «Сказанием о Мамаевом побоище» и другими памятниками Куликовского цикла, что «Сказание» — памятник второй половины XV в. (работа М. А. Салминой еще не опубликована, но автор любезно ознакомил нас с нею). Еще более позднюю датировку «Сказания» предлагает В. С. Мингалев. Он относит его к 30—40-м гг. XVI в. (В. С. Мингалев. Сказание о Мамаевом побоище и его источники. Автореф. канд. дисс. М.—Вильнюс, 1971, стр. 12—13).

⁵⁹ М. Н. Тихомиров. Куликовская битва 1380 г., стр. 346, 370—372.